

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-123-135

УДК 304.444

А.К. Полянина

Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
603950 г. Нижний Новгород, Российская Федерация;
Нижегородский институт путей сообщения –
филиал Приволжского государственного университета
путей сообщения,
603011 г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Государственное управление информационной безопасностью детей vs принцип невмешательства в дела семьи

Автором поднимается проблема противоречивости принципов государственной политики в области информационной безопасности детства и таких принципов семейной политики, как невмешательство в дела семьи и презумпции добросовестности родителей при осуществлении ими родительских прав, включая право на защиту ребенка от информации, несоответствующей его возрасту. Отмечаются существенные коллизии наблюдаемых тенденций и источники их возникновения, в том числе бурное технологическое развитие в сфере медиакоммуникаций. Интерпретируются логические взаимосвязи прав и обязанностей субъектов реализации права ребенка на безопасную информационную среду – семьи (родителей) и государства. На основе анализа статистических данных определяется

© Полянина А.К., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

масштаб данной проблемы и возможные негативные социальные последствия. Предлагается концепция управления рисками причинения информацией вреда здоровью и развитию детей через согласование ресурсов (возможностей) родителей по снижению рисков вреда от информации и их ответственности за непринятие ими мер по защите своего ребенка. Постулируется социальный характер рисков от информации и необходимость признания защиты каждого ребенка публичной (государственной) задачей, а также несостоятельность противопоставления прав ребенка на безопасную информационную среду и прав семьи на контроль информационного поведения ребенка.

Ключевые слова: информационная безопасность детей, принцип невмешательства в дела семьи, принцип добросовестности родителей, права семьи, риски от информации, запрещенная для детей информация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Полянина А.К. Государственное управление информационной безопасностью детей vs принцип невмешательства в дела семьи // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2024. Т. 15. № 4. С. 123–135. DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-123-135

DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-123-135

A.K. Polyana

Lobachevsky University,
Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation;
Nizhny Novgorod Transport Institute –
Volga State Transport University Branch,
Nizhny Novgorod, 603011, Russian Federation

State management of children's information security vs the principle of non-interference in family affairs

The author raises the problem of inconsistency between the principles of state policy in the field of information security of childhood and such principles of family policy as non-interference in family affairs and the presumption

of good faith of parents in the exercise of parental rights, including the right to protect a child from information inappropriate to their age. The essential collisions of the observed trends and the sources of their occurrence are noted, including the rapid technological development in the field of media communications. The logical interrelationships of the rights and obligations of the subjects of the realization of the child's right to a safe information environment – the family (parents) and the state – are interpreted. Based on the analysis of statistical data, the scale of the problem and possible negative social consequences are determined. The concept of managing the risks of information harming children's health and development is proposed through the coordination of parents' resources (capabilities) to reduce the risks of harm from information and their responsibility for their failure to take measures to protect their child. The social nature of information risks and the need to recognize the protection of each child as a public (state) task are postulated, as well as the inconsistency of contrasting the rights of the child to a safe information environment and the rights of the family to control the information behavior of the child.

Key words: information security of children, the principle of non-interference in family affairs, the principle of good faith of parents, family rights, risks from information, information prohibited for children

FOR CITATION: Polyanina A.K. State management of children's information security vs the principle of non-interference in family affairs. *Locus: People, Society, Culture, Meanings*. 2024. Vol. 15. No. 4. Pp. 123–135. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2988-2024-15-4-123-135

Безопасность понимается в широком смысле как состояние защищенности и реализуется определенными субъектами, обладающими соответствующими возможностями, в отношении объектов, нуждающихся в данном состоянии защищенности. Информационная безопасность есть состояние защищенности от рисков, индуцируемых информационным пространством, поэтому ее реализация осуществляется субъектами, обладающими ресурсами воздействия на риски причинения вреда от информации. Если речь идет об информационной безопасности ребенка, то обеспечение состояние его защищенности от данных рисков означает снижение этих рисков теми субъектами, которые, во-первых, призваны заботиться о ребенке, а, во-вторых, имеют такие возможности. Иными словами, это те субъекты (лица или социальные институты), чей функционал включает заботу о детях как приоритетную задачу.

Решение проблемы эффективного обеспечения информационной безопасности детей предполагает ответы на следующие ключевые вопросы: 1) в чем сущность рисков причинения информацией вреда здоровью и развитию ребенка; 2) какие меры эффективны для устранения (снижения) этих рисков; 3) кто должен реализовывать эти меры? Ответ на первый вопрос широко освещается и в отечественной и зарубежной научной литературе [6; 8; 9], и в публицистике, и в нормативных актах. Ответ на второй вопрос вызывает множество дискуссий, инициатив и предложений. Ответ на третий вопрос не только недостаточно артикулирован в социальном и правовом пространстве, но связан с разрешением важнейших коллизий и противоречий, а потому и наиболее сложен.

Зачастую ответ на вопрос о субъектах обеспечения информационной безопасности ребенка сводится к выбору одного из двух субъектов: государства или семьи и, соответственно, требует решение вопроса о статусе данного рода безопасности и данного рода рисков. Являются ли эти риски публичными или частными. В первом случае они забота государства, а во втором – семьи. Безопасность ребенка – это публичная задача или частная? На первый взгляд, очевидно, что безопасность каждого ребенка есть задача и приоритет любого государства, что и подтверждается законодательно, но забота и воспитание детей входят в сферу института родительства (института семьи), что также подтверждается законодательством. Остается решить, как соотносятся воспитание ребенка и забота о нем с обеспечением его права на информационную безопасность. И здесь наблюдаются четыре варианта сочетаний: 1) родители «должны и могут» обеспечить защиту своих детей от вредной информации; 2) «должны, но не могут»; 3) «могут, но не должны»; 4) «не должны и не могут». От признания того или иного варианта на политическом уровне зависит в целом ситуация информационной безопасности детей в стране.

Методологические основы исследования соотношения принципов государственной семейной политики и политики в области обеспечения информационной безопасности детей предполагают использование междисциплинарных подходов, количественных и качественных методов, включая анализ количественных данных статистической отчетности и результатов сторонних социологических исследований, а также качественный контент-анализ официальных документов. При этом имеет значение обращение не только к действующим законодательным актам, но и к проектам законов для определения динамики развития представлений о данной проблеме государства как субъекта управления. С этой целью были проанализированы тексты нормативных актов и законопроектов. Поскольку помимо государства и семьи одним

из ключевых субъектов, участвующих в принятии управленческих решений в данной области, выступает гражданское общество и, в частности, уполномоченный по правам ребенка, на основе данных ежегодных докладов было проанализировано его представление относительно поставленной проблемы.

Эмпирическую базу исследования составили данные статистики по структуре потребления информационного контента, типам потребителей, а также демографическая статистика в России. Также использован вторичный анализ социологических исследований Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Применяется разработанный ранее автором процессный подход к анализу ресурсов субъектов управления рисками вреда от информации. Значение принятой методологической матрицы состоит в комплексном описании как самой концепции управления рисками от информации, так и существующего в настоящий момент состояния проблемы обеспечения информационной безопасности детей в России.

Информационная безопасность ребенка является частью социальной безопасности и, в более широком смысле, составляющей его общего благополучия. Роль агента обеспечения благополучия ребенка делят между собой государство и семья. Однако определение границ такого деления есть камень преткновения и проблема, не позволяющая следовать принципам государственной политики обеспечения информационной безопасности детей, принципам, которые на доктринальном уровне сформулированы в Концепции информационной безопасности детей 2023 г. Среди таких принципов значится, например, «ответственность государства за соблюдение законных интересов детей в информационной сфере» и «ответственность родителей (законных представителей) за воспитание и развитие своих детей, включая заботу о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей»¹⁵.

Несмотря на имеющееся в настоящее время нормативное регулирование отношений по информационной безопасности детей, наблюдается противоречие между тенденцией приоритизации роли семьи в воспитании ребенка и тенденцией увеличения рисков со стороны информационного пространства и соответствующей реакции общества и государства. Так, в Докладе Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка за 2021 г. при рассмотрении зарубежного опыта реализации права детей на информационную безопасность отмечается эффективность системы подтверждения личности игроков в онлайн-видеоиграх,

¹⁵ Концепция информационной безопасности детей в Российской Федерации (утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 апреля 2023 г., № 1105-р). URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.09.2024).

применяемая в Китае с использованием государственной системы подтверждения личности. Обязательная процедура подтверждения возраста пользователя устройства ограничивает время, которые дети могут проводить за видеоиграми (не более полутора часов в будние дни и трех часов в выходные). Однако, как отмечается уполномоченным, эта мера не может быть применена в России в связи с существующим приоритетом родительского контроля за поведением ребенка и возможным ограничением родительских прав по воспитанию ребенка, в чем и состоит существо принципа невмешательства в дела семьи. Таким образом, можно говорить о том, что использование ресурсов государственного контроля по достоверной верификации возраста пользователя блокируется т.н. презумпцией родительской добросовестности и компетентности (презумпцией семейной заботы) и, соответственно, принципом невмешательства в дела семьи. Презумпция добросовестности родителей при реализации родительских прав и обязанностей, таким образом, логически подкрепляет принцип невмешательства в дела семьи. Иными словами, из представленных выше вариантов признается один: родители «должны и могут» обеспечивать информационную безопасность детей. В этом случае «должны» понимается как существование обязанности по воспитанию и всесторонней защите ребенка, которая закрепляется в Конституции РФ (ч. 2, ст. 38) и Семейном кодексе РФ (ст. 63).

В наших ранних работах утверждалась необходимость разработки механизма привлечения родителей к юридической ответственности за действия или бездействие, выраженные в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязанностей по обеспечению информационной безопасности детей при потреблении информационной продукции (допуске к потреблению информационной продукции), не соответствующей их возрасту [2]. Это может быть и административная ответственность (ст. 5.35 КоАП РФ), и семейно-правовая ответственность родителей (ст. 63 СК РФ). Таким образом, можно утвердительно ответить на вопрос о существовании обязанности родителей защищать детей от вредной информации, они «должны».

Как же подойти к ресурсам, имеющимся у родителей для исполнения данной обязанности, «могут» ли они? Ресурсами, необходимыми для снижения рисков от информации, выступают в общем виде компетенции и полномочия. При этом к полномочиям относится вся совокупность мер, представляющая собой т.н. родительскую власть, включая ее экономическую составляющую. А к компетенциям можно отнести знания родителей о характере и источниках рисков, осведомленность о путях их устранения, что в целом определяется всей совокупностью социально-личностных качеств родителя, включая образование, опыт,

культурный уровень, экономические возможности. В этом случае значение имеют знания родителей о рисках, постоянно трансформирующихся под действием технологического развития, а также об имеющихся средствах их превенции. Это знания и о новых каналах коммуникации (например, новых социальных сетях и мессенджерах), и о новых формах деструктивного контента (напр., стриминг), и мониторинг ими законодательства относительно вреда от информации, отслеживание передовых исследований в области психологии и последствий воздействия вредной информации на детей, правильная интерпретация знака информационной продукции, включая определенную степень недоверия к знаку в связи с очевидным стремлением распространителя к снижению возрастной категории и расширению аудитории потребителей, знания в области технологических возможностей фильтрации вредного контента (программные средства родительского контроля). Однако государство, признавая приоритет родителей в деле защиты детей от информации, делегирует им полномочия, но не способно передать компетенции. Компетенции не могут быть переданы, поскольку полностью зависят от факторов, лежащих вне государственно-правового поля, – факторов личностного развития самого родителя. Таким образом, нельзя утверждать реальную возможность родителей всецело обеспечить информационную безопасность своим детям, они «не могут».

Описанное выше обстоятельно указывает на коллизию варианта «должны, но не могут» с универсальным общеправовым принципом единства прав и обязанностей. Наличие родительского приоритета защищать своего ребенка от вредной информации не влечет их обязанности, поскольку отсутствуют ресурсы для реализации данного права. В реальности это влечет к тому, что состояние защищенности ребенка ставится в зависимость от уровня сформированности компетенций родителя, а именно – от уровня развития личности родителя. Таким образом, дети защищены неодинаково в каждой семье, их право на защиту от вредной информации реализуется в разной степени, что прямо противоречит принятым гарантиям прав детей, в соответствии с которыми права каждого ребенка должны охраняться государством. Налицо противоречие гарантирования прав ребенка и презумпции родительской (семейной) добросовестности, что позволяет констатировать нарушение принципа равенства и справедливости.

Согласно данным ВЦИОМ о применении родителями средств контроля за использованием интернета своими детьми, 15% родителей не предпринимают никаких мер для того, чтобы защитить детей от возможных угроз. Демографическая статистика в России в текущем году раскрывает действительное значение этих 15% «добросовестных»

родителей, как иллюстрирует и саму презумпцию добросовестности родителей. Итак, общее количество детей (несовершеннолетних, до 18 лет) России на 1 августа 2024 г. в соответствии с официальной статистикой – 31 860 872 чел.¹⁶ Учитывая, что среднее количество детей в семье в России – около 1,4, 15% родителей воспитывают около 6 млн 690 тыс. детей (15% от 31 860 872 составляет 4 779 130; $4\,779\,130 \times 1,4 = 6\,690\,783$). Таким образом, около 6,7 млн детей в связи с отсутствием какого-либо контроля за информационным поведением со стороны семьи подвергаются риску вреда от информации. По оценкам разных исследовательских групп названо количество детей, сталкивающихся с вредным контентом при пользовании сети Интернет, – от 19 до 55%¹⁷. Из определенного нами количества детей, оставшихся без попечения родителей об их информационном благополучии и защите от вредной информации, это от 1,2 до 3,7 млн детей. Это дети, подвергающиеся риску вреда своему здоровью и развитию в отсутствии родительской заботы и без привлечения тех ресурсов государства, которые могли бы в автоматическом режиме защитить от рисков всю детскую группу. Как минимум, 1,7 млн детей можно назвать «жертвой» недопустимости вмешательства в дела семьи и презумпции добросовестности родителей. Простые расчеты демонстрируют величину проблемы, вытекающей из противоречия двух направлений государственной политики – укрепления семьи и информационной безопасности детей.

Анализ законопроектов, направленных (как декларируется в пояснительных записках) на укрепление семьи и семейных ценностей, позволил выявить некоторые тенденции в области соотносимости прав детей и прав родителей (или даже т.н. прав семьи) и согласиться с критиками отдельных законопроектов¹⁸.

Так, внесенный в 2022 г. проект изменений в Семейный кодекс предполагает введение в качестве принципа семейно-правового регулирования принцип презумпции добросовестности осуществления родителями родительских прав, в соответствии с которым действия родителей

¹⁶ Демография. Федеральная служба государственной статистики URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 17.09.2024).

¹⁷ За последний год больше половины детей в России сталкивались в интернете со взрослыми и жестокими видео. АО «Лаборатория Касперского». URL: <https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/za-poslednij-god-bolshe-poloviny-detej-v-rossii-stalkivalis-v-internete-so-vzroslymi-i-zhestokimi-video?ysclid=m164qqvkcd564499879> (дата обращения: 17.09.2024).

¹⁸ Косина А. Отцы или дети: чьи права защищает семейная реформа // Право.ru: законодательство, судебная система, новости и аналитика. Все о юридическом рынке. URL: <https://pravo.ru/opinion/242944/?ysclid=m1653xhpb411696530> (дата обращения: 17.09.2024).

считаются добросовестными, т.е. соответствующими правам и законным интересам детей, если иное не установлено вступившим в законную силу решением суда. Также отмечается «недопустимость разрушения или создания угрозы разрушения семьи вопреки воле ее членов, в том числе в случае защиты прав и законных интересов отдельных членов семьи, которые в силу беспомощного состояния или возраста не могут защитить себя самостоятельно»¹⁹, иначе говоря, сохранность семьи авторами ставится выше защиты прав и законных интересов детей. Практически вводится в оборот концепт прав семьи и даже их приоритет перед правами ребенка. Как отмечают критики законопроекта, сложившаяся судебная практика по делам с участием несовершеннолетних детей уже основывается на презумпции добросовестности родителей, с учетом конституционной обязанности родителей заботиться о своих детях²⁰. Однако сама формулировка этой презумпции в тексте законопроекта исключает любые сомнения в законности и добросовестности действий родителей без вступившего в законную силу решения суда и доказывании истцом факта недобросовестности. Применительно к проблеме защиты родителями своих детей от вредной информации остается неясным, кто именно должен будет доказать факт недобросовестности в обеспечении родителями информационной безопасности своего ребенка.

Сомнения в обоснованности презумпции добросовестности родителей в отношениях по обеспечению информационной безопасности определяется недостаточностью их ресурсов по снижению конкретных рисков от информации, а не ошибочностью или устареванием самого принципа приоритета родительского воспитания и контроля за поведением ребенка. Речь идет не столько о злоупотреблении родителями своими правами, сколько об отсутствии у родителей возможностей контроля и управления рисками причинения информацией вреда здоровью и развитию детей, возможностей, которые предполагают фильтрацию всего информационного пространства всегда и во всех ситуациях, обстоятельствах и местах пребывания ребенка, например, в школе, в компании друзей, в загородных лагерях и т.д. Очевидно, что родитель не в состоянии это осуществить и необходима система «очистения»

¹⁹ Пояснительная записка к законопроекту № 157281-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/157281-8> (дата обращения: 17.09.2024).

²⁰ Постановление КС от 08.06.2010 № 13-П и определение КС от 06.06.2016 № 1417-О. По делу о проверке конституционности пункта 4 статьи 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В.В. Чадаевой. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=14&nd=102138926 (дата обращения: 17.09.2024).

(или ограничения доступности вредной информации) в отношении всех детей, значит, такие меры приобретают социальный, публичный характер и относятся к функциям государства. Это подобно, как уже отмечалось [1], централизованной системе очистки водопроводной воды.

Предлагаемый нами процессный подход к рискам от информации предполагает дифференциацию «ресурсоемкости риска» от информации, т.е. востребованности ресурсов для снижения этого риска на каждом из четырех этапах информационного процесса: создание контента, распространение, организация доступа, потребление [7]. При этом ресурсы семьи наиболее задействованы на двух последних этапах – доступ к источнику информации и потребление ребенком информации. Это обусловлено исключительными ресурсами института семьи как главного института социализации ребенка, включая возможности информационного «просвещения», реализация которых, в свою очередь, блокируется простым нежеланием родителей заниматься вопросами информационной безопасности своего ребенка, иными словами, родительской халатностью.

Можно сказать, что именно на этих двух этапах родители, действительно, «должны и могут» предотвращать риски от вредной информации, а на первых двух этапах не только не могут, но и не должны. Однако, с точки зрения презумпции добросовестности родителей, они на всех четырех этапах «и могут, и должны», т.е. способны влиять на процессы, объективно выходящие за пределы их компетенции, например, влиять на правовую формировку вредного контента или его перечень, на поведение провайдера или владельца кинотеатра (онлайн-кинотеатра) и т.д. При этом и на этапе доступа к информации родители ограничены в ресурсах, которые могут быть восполнены государством в лице определенных институтов, прежде всего, института государственного контроля и надзора, института социальной защиты, института образования, института юридической ответственности. Объединение ресурсов государства, среди которых, в первую очередь, выделяются возможности централизованного контроля над оборотом информации и автоматической фильтрации информационного пространства, и ресурсов семьи, представляется сегодня первоочередной задачей. Схематично это представлено на рис. 1.

Линии разграничения в отношении ресурсов и компетенций государства и семьи по управлению рисками причинения информацией вреда ребенку обозначены пределами государственного воздействия, а именно – границами вмешательства в социальные отношения при помощи правовых средств, включая государственное принуждение и возложение юридической ответственности, границами, за которыми данные

отношения, во-первых, не подлежат, а во-вторых, не нуждаются в правовом регулировании [5, с. 227]. В этих границах выражается мера допустимого, но необходимого и достаточного воздействия государства на отношения по управлению рисками. В этом контексте мера допустимого и необходимого проявляется в принятых (ФЗ № 423 «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию») критериях вреда от информации и устанавливаемых возрастных категориях информационной продукции, а мера достаточного – в разрабатываемых на разных уровнях критериях здоровья и благополучия ребенка с учетом объективной невозможности государства влиять на психологические и культурные аспекты социальной ситуации развития ребенка в семье.

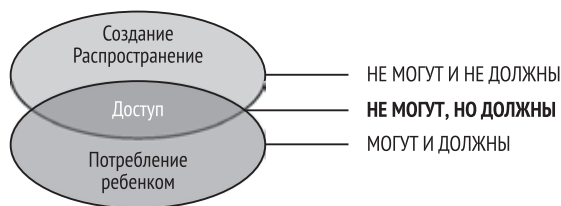

Рис. 1

При этом с социально-психологической точки зрения исключительное значение имеет общая система воспитания ребенка, которая, если полноценно осуществляется в морально-нравственном, психологическом, социальном аспектах, то сама по себе выступает сильным барьером для рисков, а это возможно только через синергию ресурсов всех субъектов, участвующих в защите детей.

Итак, реальная ситуация выражается именно в варианте родители «не могут, но должны» обеспечить всецело информационную безопасность своим детям. Однако государство лишь тогда вправе привлекать к ответственности родителей за непринятие мер защиты детей от информации, когда само использует все имеющиеся ресурсы, включая: фильтрацию всего информационного (прежде всего, сетевого) пространства на предмет запрещенного для детей контента, определение возраста пользователя и автоматическое ограничение доступа, установление разрешительного (лицензионного) порядка доступности запрещенной информации с вменением в обязанности пользователя организацию недоступности данного контента любому ребенку в его окружении, реальное (а не формальное) привлечение к ответственности распространителя запрещенного контента и создателя контента как приобретающего какие-либо выгоды из распространения созданного им запрещенного

контента (лайки, донаты и т.д.), организация государственной системы оценки вредности контента, другие меры. Придерживаясь логики привлечения к ответственности, можно констатировать, что, при наличии возможностей у родителей защитить ребенка от информации, они обязаны это делать, т.е. если «могут», то и «должны».

Как показали несложные статистические расчеты, не менее 1,2 млн детей в России потенциально лишаются права на безопасную информационную среду в связи с непринятием каких-либо мер по защите их от вредной информации как со стороны родителей, так и со стороны государства, следующего принципу «невмешательства» в дела семьи и потому не предпринимающего мер (уже апробированных за рубежом), которые могли бы снизить риски вреда и его социальные последствия. Самоустранение семьи и государства от этой задачи, полагаем, может иметь масштабные негативные социальные последствия. Данная ситуация возникла в связи с признанием приоритета родительской защиты перед государственной даже там, где родители не имеют возможностей влиять на риск, либо где эти возможности требуют профессиональных компетенций.

Применение государственных (централизованных ресурсов) нельзя интерпретировать как вмешательство в дела семьи, но как помощь семье в воспитании ребенка и члена общества. Презумпция добросовестности родителей при осуществлении родительских прав и принцип невмешательства в дела семьи не могут противопоставляться праву ребенка на безопасную информационную среду, защиту его здоровья и развития от вредной информации.

Библиографический список / References

1. Ашманов И.С., Касперская Н.И. Цифровая гигиена. СПб., 2021. [Ashmanov I.S., Kasperskaya N.I. Cifrovaya gigiena [Digital hygiene]. St. Petersburg, 2021.]
2. Полянина А.К. Семейно-правовая ответственность родителей за ненадлежащее исполнение обязанности по обеспечению информационной безопасности детей // Семейное и жилищное право. 2015. № 2. С. 34–38. [Polyanina A.K. Family and legal responsibility of parents for improper fulfillment of the obligation to ensure the information security of children. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo*. 2015. No. 2. Pp. 34–38. (In Rus.)]
3. Полянина А.К. Информационная политика минимального государства // Гражданское общество в России и за рубежом. 2023. № 3. С. 20–24. [Polyanina A.K. Information policy of the minimal state. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom*. 2023. No. 3. Pp. 20–24. (In Rus.)]
4. Полянина А.К., Грудзинский А.О. Экспертные оценки продуктов медиainдустрии: информационная безопасность детей // Социологические

- исследования. 2021. № 7. С. 83–89. [Polyanina A.K., Grudzinskij A.O. Expert assessments of media industry products: Information security of children. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2021. No. 7. Pp. 83–89. (In Rus.)]
5. Пьянов Н.А. Актуальные проблемы теории государства и права. Иркутск, 2007. [Pyanov N.A. Aktualnye problemy teorii gosudarstva i prava [Actual problems of the theory of state and law]. Irkutsk, 2007.]
  6. Рожденные цифровыми: семейный контекст и когнитивное развитие / Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова, А.Е. Вишнева и др. М., 2022. [Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Vishneva A.E. et al. Rozhdennyye cifrovymi: semejnuy kontekst i kognitivnoe razvitiye [Born digital: Family context and cognitive development]. Moscow, 2022.]
  7. Andreeva Ju., Polyanina A. Development of civic activism as a strategy of public regulation in the field of information security. *E3S Web of Conferences: International Scientific and Practical Conference “Priority Directions of Complex Socio-Economic Development of the Region” (PDSSED 2023), Urgench, Uzbekistan*. Vol. 449. EDP science, 2023. P. 07009.
  8. Livingstone S., Stoilova M. The 4Cs: Classifying online risk to children (CO:RE Short report series on key topics). Hamburg, 2021.
  9. Jakobson L.I., Mersiyanova I.V. Transformation of civil society organization functions in modern Russia. *Civil society: Concepts, challenges, contexts: Essays in honor of Helmut K. Anheier*. M. Hoelscher, R.A. List, A. Ruser, S. Toepler (eds.). Springer, Cham, 2022. Pp. 333–347.

Статья поступила в редакцию 05.09.2024, принята к публикации 13.10.2024

The article was received on 05.09.2024, accepted for publication 13.10.2024

Сведения об авторе / About the author

Полянина Алла Керимовна – доктор социологических наук; доцент кафедры менеджмента и государственного управления Института экономики, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; доцент кафедры общеобразовательных и профессиональных дисциплин, Нижегородский институт путей сообщения – филиал Приволжского государственного университета путей сообщения

Alla K. Polyanina – Dr. Hab. (Sociological Sciences); associate professor at the Department of Management and Public Administration of the Institute of Economics, Lobachevsky University, Nizhny Novgorod; associate professor at the Department of General Education and Professional Disciplines, Nizhny Novgorod Transport Institute – Volga State Transport University Branch, Nizhny Novgorod, Russian Federation

E-mail: Alker@yandex.ru